Вячеслав Иванов

Бывает

Современная поэзия

Вячеслав Александрович Иванов
Бывает. Современная поэзия

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305900
Бывает. Современная поэзия: ИПО «У Никитских ворот»; М.; 2018
ISBN 978-5-00095-464-5

Аннотация

«Составляя эту книгу, я постарался уберечь тебя от какой-либо пропаганды и назидательной морали. Я слишком дорожу тобой, чтобы позволять себе чему-то тебя учить. Книга «Бывает» расскажет тебе несколько десятков изложенных в стихах историй, в которых, возможно, ты узнаешь себя или кого-то из своего близкого окружения. И, если это произойдет, значит, книга была издана не напрасно.

Вячеслав Иванов».

Содержание

Об авторе 5
Дорогой читатель! 7
«За спиной крылья» 9
«На изломе времен» 12
«Такое время» 16
У старой школы 16
Велосипед 18
Деревьев яркие мазки 19
Люди спросят у порога 20
Живу в молчании 22
Мне бабушка вязала свитерок 23
Как это всё же однобоко 24
Патологоанатом 25
О, изобилье 26
Исповедь 28
Мой старый друг живет в Крыму 31
В больнице 32
Друг мой 33
Я старею, мама 35
Погоня 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Вячеслав Александрович Иванов
Бывает. Современная поэзия

© Иванов В., 2018
© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2018

Об авторе

Вячеслав Иванов – поэт, публицист. Член Союза российских писателей. Автор поэтических сборников «Нас на Земле двое» и «Крылья». Лауреат литературной премии «Справедливой России» «В поисках правды и справедливости» в номинации «Молодая поэзия России» (2016 г.). Победитель Всероссийского конкурса молодых поэтов имени Б.А. Ахмадулиной (2017 г.). Публиковался в литературных изданиях «Москва», «Юность», «Литературная Россия», «Роман-Газета».

Дорогой читатель!

Составляя эту книгу, я постарался уберечь тебя от какой-либо пропаганды и назидательной морали. Я слишком дорожу тобой, чтобы позволять себе чему-то тебя учить. Книга «Бывает» расскажет тебе несколько десятков изложенных в стихах историй, в которых, возможно, ты узнаешь себя или кого-то из своего близкого окружения. И, если это произойдет, значит, книга была издана не напрасно.

В книгу включены произведения, написанные в период с 2014 по 2017 годы, и только для двух более ранних стихотворений сделано исключение. Стихи распределены по рубрикам, чтобы тебе, дорогой читатель, было проще в них ориентироваться.

Стихи из рубрики «Такое время» расскажут тебе о восприятии автором окружающей действительности, в которой он (предполагаю, так же, как и ты) денно и нощно коротает будни. Рубрика «А ты мне снишься иногда…» более интимная и включает в себя стихи любовной тематики. Стихи с оттенком юмора включены в рубрику, название которой «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно» задолго до автора придумал Михаил Юрьевич Лермонтов (стихи, входящие в рубрику, разумеется, сочинил автор). И заканчивается все это безобразие рубрикой, не имеющей названия, в которую попали несколько стихов, оказавшихся, на взгляд

автора, за пределами выше перечисленных тематик.

Да, совсем забыл! Если после прочтения книги «Бывает» тебе захочется сообщить что-то ее автору, ты можешь отправить письмо на электронную почту 20203020@mail.ru, и, если к тому моменту, когда ты это сделаешь, не случится ядерная война или автор не забудет свой пароль от почтового ящика (что для автора равносильно маленькой ядерной войне), то он обязательно постарается найти время, чтобы тебе ответить.

Ну, вот, пожалуй, и всё. Заканчиваю писать о себе от третьего лица (что крайне непривычно) и желаю тебе, дорогой мой читатель, приятного знакомства с моими лирическими героями, которых подсказала мне жизнь. Как говорится, в добрый путь!

С чувством, твой В.И.

«За спиной крылья»

В отечественной литературе есть великолепные страницы поэтов с самой знаменитой русской фамилией – Иванов: поэт-акмеист, певец русской эмиграции Георгий Иванов, символист и эрудит эпохи модерна Вячеслав Иванов, советский поэт-сатирик Александр Иванов, наш современник – лирик Геннадий Иванов.

Молодой поэт из Смоленска Вячеслав Иванов не только не потерялся среди своих знаменитых однофамильцев, но по-особому соединил в себе отточенность формы акмеистов, глубину, философичность образов символистов, гражданственность поэтов-реалистов и утонченный психологизм нового времени.

С творчеством Вячеслава Иванова – фамилия с ударением на третий слог – я познакомился, внимательно изучая работы, присланные в Жюри Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ в 2016 году. Взгляд остановился на строках:

Как бы ни был мир
Плох,
Истина одна —
В силе:
Если ты летать

Мог,
Значит, за спиной —
Крылья.

Сердце наполнилось радостью – это счастье, когда вдруг, внезапно, понимаешь, что наша страна не оскудела душой и талантом за все эти годы непростых перемен и может вот так вдруг – ярко и сильно – заявлять о наступлении эпохи нового Ренессанса в культуре России начала XXI века.

Побеждают вечные ценности. Эта удивительная победа произошла на наших глазах, непостижимым образом, не благодаря, а вопреки «моде на цинизм», будто согбенная Россия, униженная и преданная, вдруг расправила крылья, и исчез горб – гроб, появилась надежда.

В России сложно быть поэтом,
И с этой страшной высоты
Смотреть на грязь вокруг, и в этом
Искать хоть каплю красоты.

Мнение Жюри тогда совпало с моим, и Вячеслав Иванов стал победителем нашей Литературной премии 2016 года. Я был рад личной встрече с ним во время Торжественной церемонии награждения победителей премии, а также на мероприятиях Молодежного кадрового резерва нашей партии.

В стихотворениях Иванова есть особенность – они сюжетны, часто с непредвиденным и непредсказуемым финалом.

Из них очень трудно изъять цитату, они требуют полного прочтения – от начала и до конца.

Не случайно и название книги – «Бывает» – настраивает на дружескую беседу, обмен мнениями и историями о жизни, даже товарищеский спор.

Мы, знавшие эпоху великих советских строек, наши родители – ветераны Великой Отечественной войны – мы испытываем боль за молодое поколение, выросшее в период «затмения солнца». И когда это молодое поколение так по-родному обращается к тебе – «Бывает» – «Такое время» – чувствуешь особую гордость за них – за их силу, за умение подняться над обстоятельствами и одновременно спокойствие за будущее России.

И в том и прелесть, что, поняв
Секрет чужих манипуляций,
Ты не разнуздан и слюнтяв,
А за себя готов сражаться!

Сергей Миронов, Председатель политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»

«На изломе времен»

Эту книгу я прочел с экрана компьютерного монитора уже во время ее верстки в издательстве. Мне показалось, основные зацепы в уже наработанном поэтическом стиле Вячеслава Иванова нужно искать в поэзии Михаила Лермонтова, Николая Рубцова и, как ни странно, Владимира Высоцкого, к поэтическому творчеству которого я отношусь с некоторым неприятием, признавая, однако, его огромные заслуги в области авторской песни. И если между Лермонтовым и Рубцовым можно с большой натяжкой провести связующую нить, в основе которой будет лежать исповедальность, то между Лермонтовым и Высоцким, или Рубцовым и Высоцким такой связующей нити не проведешь. Наверное, именно это и определяет ту разбросанность эстетических амплитуд, которая мне увиделась в стихах Вячеслава Иванова. И те зацепы, которые его связывают как поэта с Лермонтовым и Рубцовым, позволяют мне надеяться на будущее в поэзии молодого смоленского поэта.

Дочитав книгу до середины, я остановился и задумался, а с чем, собственно, поэт выходит к читателю, что он стремится ему поведать и для чего? Давнишняя привычка метаморфировать чужие стихи, чтобы яснее понять внутренний мир человека, их создавшего, или интерпретировавшего на бумагу, как принято говорить у поэтов, «под диктовку свыше».

И пришло мне на ум название книги – «Так бывает». Стоп, сказал я себе, а как же книга называется, что-то в начале рукописи я не увидел названия? Я вернулся в начало файла и, действительно, названия не обнаружил. И вспомнил, что файл имеет какое-то название, и я на него при скачивании из приложения к электронному письму, не обратил никакого внимания, разместив в желтой папке «Иванов». И полез в эту папку и … был поражен. Мое личное метафорическое представление о читаемой книге совпало с ее названием.

«Браво, Вячеслав!» – что я могу еще сказать тут? Да, действительно, все, что мы прочитаем в стихах Иванова на страницах этой книги, бывает в жизни, и ничего этого из нее не выбросишь. Бывает с кем-то, когда-то, где-то. Может быть, так было и у кого-нибудь из читателей этой книги. И первая же мысль, которая напрашивается тут: «Но ведь так не должно быть в жизни человека, чтобы он был в ней счастливым, чтобы безоглядно любил мир, людей, верил и надеялся, чтобы добро всегда побеждает зло!» Да, не должно, но есть. Мало того, так ведь, наверное, было всегда. Почему же русская поэзия обо всём этом не говорила раньше? Как же не говорила? Говорила. Только по-другому, в других категориях, устойчивых, вечных. У нее действенность бытия «бывает» не носит единичный характер, а является обобщающим и устойчивым явлением, утверждающим категории любви и ненависти, добра и зла, веры и безверия, надежды и отчаяния, которые присущи всем людям, и которые устанавлива-

ют нормы человеческого поведения в жизни и нормы восприятия мира.

Но в последние десятилетия наш мир настолько стремительно меняется, что все эти категории зашатались под бурей времени на своих тоненьких философских ножках, как перезревшие злаковые колосья, готовые упасть и рассыпаться на зерна, которым, однако, уже в старой почве не прорасти, сама почва жизни изменена человеком до неузнаваемости. Не стану утверждать, что Иванов уже системно осознаёт это, но то, что чувствует это как поэт, мне думается, очевидно. Другое дело, куда дальше поведёт его трагическое мироощущение на изломе времён, какой будет у него результативный выход – вопрос.

Хочу отметить стихи, на которые рекомендую читателям обратить особое внимание: «Деревьев яркие мазки», «Живу в молчании», «Исповедь», «Моя бабушка верит в Бога», «Когда болеет человек», «Как живу?», «Был то ли август…», «Красивая», «С неба на ветки», «Писать эти письма», «Тишина ласкала слух мне», «В машине, нас укрывшей от ненастья», «Травинка», «А ты мне снишься иногда». Надеюсь, порадуют читателей и стихи последнего раздела книги, написанные с юмором, на свободном дыхании и современным языком.

В добрый путь, «Бывает»!

Новых творческих свершений, Вячеслав!

Владимир Макаренков, председатель Смоленского

отделения Союза российских писателей, составитель альманаха «Под часами», лауреат литературных премий им. М.В. Исаковского, им. А.Т. Твардовского, им. Н.И. Рыленкова и др.

* * *

Эту книгу хочется прочесть залпом, ты понимаешь, что она тебя не опустит, уже после трёх страниц, но на самом деле, это единственная банка малинового варенья, выданного тебе на долгую зиму. Читать нужно бережно, по стихотворению в день, смаковать и успевать разглядеть за внешней простотой самое важное.

Алиса Гребенщикова, актриса театра и кино

«Такое время»
Стихи о жизни

У старой школы

У старой школы
С кривым углом
Жил белый голубь
С одним крылом.

Такой красавец!
Аж грусть брала,
Что кот-мерзавец
Лишил крыла.

Потерю вынес!
И год спустя
Прозвали – Витязь –
Его шутя.

Посмотришь – бродит,
Не зная бед,
И раны вроде
Давно уж нет,

Но как увидит
Полет своих,
Бывает Витя
Подолгу тих.

И кормят хлебом
Наперебой,
А он на небо
Глядит с тоской.

Велосипед

Мне снился мой велосипед –
Складной видавший виды «Аист».
Как будто я на нем катаюсь.
Как будто мне двенадцать лет.

Дороги пыльной полоса
Мне тоже снилась ночью этой.
Как будто день. Как будто лето.
Как будто я открыл глаза.

А на багажнике моем,
Поджав колени, ехал Боря.
Как будто он еще не болен
И покидать способен дом.

Всю ночь мы с ним с горы неслись
И непрерывно хохотали.
А я крутил, крутил педали,
Опередить пытаясь жизнь.

Деревьев яркие мазки

Деревьев яркие мазки
На серый холст ложатся снова.
И кисть художника седого –
Как продолжение руки.

Он разбросает стаи птиц
Небрежным вроде бы движеньем.
Ты в них увидишь отраженье
Своих накрашенных ресниц.

И улыбнешься, загрустив, –
Такое осенью бывает, –
Пока художник напевает
Простой какой-нибудь мотив.

А за пределами холста
Такая боль, такая вьюга.
И, как спасенье друг для друга,
Живут талант и красота.

Люди спросят у порога

Люди спросят у порога:
– Что за пазухой твоей?
– Прячу внутреннего Бога
От соборов и церквей.

Он не любит позолоту
На крестах и образах.
И в душе моей свободу
Поселяет, а не страх.

– Где ж ты взял его?
– Не важно,
Если вера глубока.
Я нашел его однажды
На снегу у кабака.

Был февраль, и он дрожал весь,
В ледяную глядя тьму.
И казалось мне, что жалость
Проявляю я к нему,

Но когда его я поднял,
Озарилось всё вокруг!
За мгновение я понял:
Он мне самый близкий друг!

– Веришь в Бога?
– Верю слепо!
И с того не важно дня:
Я несу его по свету,
Или он ведет меня.

Живу в молчании

Живу в молчании. А с кем
Поговорить? Все безъязыки.
Не помогает мне в Москве
Ни мой могучий, ни великий.

От тишины с недавних пор
Пишу рифмованные строки
О том, как мой унылый двор
Облюбовали две сороки.

За ними трудно повторить
Произносимые созвучья.
Но с ними можно говорить,
Забыв великий и могучий.

Я из окна кидаю хлеб
Двум черно-белым балаболкам.
Язык их, кажется, нелеп.
Но и в моем не больше толку.

Мне бабушка вязала свитерок

Мне бабушка вязала свитерок.
Без отдыха ее стучали спицы,
Чтоб я зимой холодной не продрог.
Прошло уж столько лет, а мне не спится.

Такая же зима. И тот же дом.
И где-то свитерок лежит на полке.
Он долго согревал меня потом,
Хотя и был до красных пятен колким.

Светает. И далекий лай собак
Дополнил грусть печального пейзажа.
Здесь всё теперь давно уже не так.
И свитер мне никто теперь не свяжет.

Как это всё же однобоко

Как это всё же однобоко:
Невиноватый сделав вид,
Всё перекладывать на Бога –
Простит, накажет, защитит.

Не спорю, может быть, Всевышний
И есть арбитр мировой.
Но будет все-таки не лишним
Своею думать головой.

Патологоанатом

Мне говорил патологоанатом,
Который каждый день вскрывал тела:
«Исход у всех, по сути, одинаков,
Какою б жизнь различной ни была».

Он только устанавливал причину,
Которая к кончине привела.
Сама же эта самая кончина
Всего лишь только следствием была.

Я спрашивал его: «Не жалко разве,
Когда к тебе привозят молодых?»
Он отвечал: «По-своему прекрасен
Под лампой на столе любой из них.

Душа же – это выдумка религий.
Есть только истлевающая плоть.
В холодной этой комнате великий
Едва ли появляется Господь».

От слов его мне стало крайне тошно.
Но он заметил, делая надрез:
«Бывают исключения, возможно,
Ведь ты же под ножом моим воскрес».

О, изобилье

О, изобилье
Минувших дней,
Где мы кутили
На сто рублей!

Бутылка джина
Одна на всех!
И беспричинно
Веселый смех!

А под гитару
И Чайф, и Квин.
Всё было даром
И по любви!

Всё было просто,
Как дважды два.
В дырявых кроссах
Гуляй-Москва!

В раскрытых окнах
Весна поет:
Что не пришло к нам,
Еще придет!

Ну, как слезами
Поможешь, мам? –
Не сдал экзамен, –
Так пересдам!

Там в среднем где-то
Попытки три!
Как жаль, всё это
Не повторить.

Исповедь

Дорога с серенькими избами
По обе стороны. Спешу.
Я под дождем иду на исповедь
Не в храм, а к старому бомжу.

Иван Степаныч горький пьяница.
Иду, бутылками гремя.
Иначе может заупрямиться
И вовсе гостя не принять.

Живет он в здании заброшенном,
Где находился сельсовет.
И место вроде бы хорошее.
Есть крыша. Хоть и окон нет.

– Степаныч, жив ли?
– Как иначе-то, –
И на лице его смешок.
И вот уже бутылка начата.
– Ну, сознавайся, в чем грешок? –

Мне говорит Степаныч ласково,
Как будто я ему родня.
Я пересказываю наскоро:
– Такое дело у меня:

С женой давно уже не ладится.
Сплошные ссоры третий год.
А тут одна в коротком платьице
Меня сама к себе ведет…

– Жена узнала-то? – задумчиво
Старик глядит и пьет до дна.
– Да нет… Но что-то очень мучает.
Но вот, что именно…
– Вина, –

Степаныч сразу вывод делает:
– Она любому портит «жись». –
И мне протягивает спелую
Большую сливу: – Угостись!

– Так что же делать? –
Улыбается
Старик и снова пьет до дна.
– Прости себя. Не мог ты справиться
С собой, но если есть вина,

То значит быть тебе с супругою.
Купи красивых ей цветов.
Свози куда-нибудь на юг её,
Будь мужиком, в конце концов.

У женщин души очень хрупкие.

Им нужно сильное плечо.
Касайся чаще губ и рук ее,
Не упрекай ее ни в чем.

Начни всё заново. Пока еще
Не поздно! Всё ведь знаешь сам! –
Какой советчик из Степаныча?
Но верю я его словам.

Дорога с серенькими избами,
Дождь моросит, и далеко
Еще до станции, но издали
Я вижу свет, и мне легко.

Мой старый друг живет в Крыму

Мой старый друг живет в Крыму,
В поселке Новый Свет.
Впервые еду я к нему
За семь последних лет.

Другой у поезда маршрут,
Дорога – подлинней.
И, может, скоро, коль не врут,
Построят мост на ней.

И встретил старый друг с утра
На станции меня.
Я нужных слов не подобрал,
И говорю, обняв:

– Ты русский волею судьбы!
Как звать тебя хохлом?
А он смеется: – Так и быть,
Пущу кацапа в дом!

В больнице

И где-то там, во тьме лиловой,
Забрезжил крайне тусклый свет,
А в нем – сотрудница столовой,
Где харчевался он в обед.

На полуострове Рыбачий,
Где в основном рабочий люд,
Она трудилась на раздаче,
Как подобало, рыбных блюд.

Ей мог понравиться не всякий,
Но вот, с улыбкою немой
Оттуда, из семидесятых,
Она смотрела на него,

Как будто дав ему согласье
На то, что он не предлагал.
Он встрепенулся в одночасье,
И свет как будто замигал.

Очнулся – знать, еще не скоро
Ему в Рыбачий на покой.
И пахло так из коридора
Валокордином и ухой.

Друг мой

Друг мой, хочу
Показать тебе,
Сколь необъятен мир!
Ну, проиграл ты,
И что теперь?
Мало ль на свете игр?

Ну, не свезло,
Не сбылась мечта.
Жизнь-то на то и жизнь!
Можно конечно
И вниз с моста!
Только зачем, скажи?

Будет звезда
Не одна еще
В небе твоем сиять!
Жизнь не хватают
За острие.
Нужно – за рукоять!

Мудрость годами
Нас ищет, друг.
Дай же себя найти!
Счастье порой –

Это долгий труд.
Счастье – в самом пути!

Мир бесконечен,
Как Млечный путь,
Непостижима высь!
Друг мой, тебя
Умоляю – будь!
В этом и есть твой смысл!

Я старею, мама

Я старею, мама. Этим летом
Лоб обезобразили морщины.
Раньше я не думал, что мужчины
Тоже беспокоятся об этом.

Волосы седые поредели,
Ноют сухожилья и суставы.
Сердце верить в чудо перестало,
Что страшней всего на самом деле.

Я бы улыбался, как и раньше,
Я бы танцевал, забыв о боли,
Только над собою я не волен, –
Тянется за мною день вчерашний.

И уже по-старчески капризным,
Понял я бессонными ночами:
Мы стареем, мама, от печали,
Что за нами следует, как призрак.

Мы стареем, мама, от потери
Веры в исполнение желаний,
Обрастая скучными делами.
Отложить бы их и снова верить!

Верить, под сомнение не ставя
Факты, мысли, доводы, причины!
Мама, я старею, но морщинам
Душу я не дам свою состарить!

Погоня

С ума сведенный от тоски,
Табун пришпорив под капотом,
Я ехал наперегонки
С таким же точно идиотом.

На светофоре вровень став,
Он на меня смотрел со злобой.
На желтый первым взял я старт,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.